
Научная статья
УДК 398. 22
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-185-197

ЗАВЕЩАНИЕ ПОГИБАЮЩЕГО ГЕРОЯ В ГЕРОИКО-ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2025

Аннотация. В статье рассматриваются варианты актуализации завещания погибающего героя в фольклоре. На основе переживаний героя по поводу собственной смерти формируются различные формы морально-психологического состояния: от проявления сожаления и жалости к себе до смирения и принятия смерти и возникновения чувства гордости и удовлетворения. В целом, эти переживания связаны с мотивом смерти, переосмыслением жизни и осознанием ее ценности. Наше внимание было направлено к одной из этих форм – примирение со смертью и следующие из этого наказ или завещание. Это завещание является характерной формой прощения с родными. Ее нравственное содержание направлено на проявление заботы и переживания за родных. В фольклоре эти страдания идеализируются и выступают как художественное средство для выражения нравственной идеи и становятся как бы исходным продуктом морального и духовного состояния народа. Изучение нравственных концепций завещания в свете атрибуции народной идентичности может стать небольшим дополнением в представлении этнической культуры. В этом состоит актуальность исследования. В связи с этим, выявление индивидуальных особенностей завещания – главная цель работы. Для достижения поставленной цели мы намерены решить следующую задачу: исследовать варианты актуализации завещания погибающего героя, как средства выражения художественной выразительности. Так как мы рассматриваем состояние героя перед смертью, целесообразно было взять за основу героико-лирический жанр, в котором хорошо интерпретированы героические качества и личностные душевные переживания героя. В качестве сравнительного материала привлекаются тексты фольклора разных народов. Для того, чтобы проследить трансформацию завещания рассматриваются также тексты народных песен адыгов времен Великой Отечественной войны и поэтические литературные произведения поэтов XX в.

Устанавливается, что завещание погибающего героя становится художественным осмысливанием морального и духовного состояния народа и преломляется через призму своей ментальности. Анализ проводится с использованием историко-типологического и культурологического подхода, а также метода обзора и обобщения.

Ключевые слова: фольклор, историко-героический эпос, героико-лирические песни, поэтические литературные произведения, смерть, состояние погибающего героя, завещание, переживания и забота о близких родственниках, нравственная основа, национальная идентичность

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Завещание погибающего героя в героико-лирических песнях // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-2 (67). С. 185–197. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-185-197

Original article

TESTAMENT OF A DYING HERO IN HEROIC-LYRICAL SONGS

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© L.S. Khagozheeva, 2025

Abstract. The article discusses the options for updating the testament of a dying hero in folklore. Based on the hero's feelings about his own death, various forms of moral and psychological state are formed. Our attention was directed to one of these forms – reconciliation with death and the following order or testament. This testament is a characteristic form of saying goodbye to relatives. Its moral content is aimed at showing concern and concern for relatives. Its moral content is aimed at showing concern and concern for relatives. The study of the moral concepts of the testament in the light of attribution of national identity can be a small addition to the representation of ethnic culture. This is the relevance of the study. In this regard, the identification of the individual characteristics of the will is the main purpose of the work. To achieve this goal, we intend to solve the following task: to explore options for updating the testament of a dying hero as a means of expressing artistic expression. Since we are considering the state of the hero before death, it was advisable to take as a basis the heroic-lyrical genre, in which the heroic qualities and personal emotional experiences of the hero are well interpreted. The texts of folklore of different nations are used as comparative material. In order to trace the transformation of the testament, the texts of the folk songs of the Adygs during the Great Patriotic War and the poetic literary works of the poets of the twentieth century are also considered.

It is established that the testament of the dying hero becomes an artistic interpretation of the moral and spiritual state of the people and is refracted through the prism of their mentality. The analysis is carried out using the structural-comparative and cultural method.

Keywords: folklore, heroic and lyrical songs, poetic literary works, death, the condition of a dying hero, testament, feelings and care for close relatives, moral foundation, national identity

For citation: Khagozheeva L.S. Testament of a dying hero in heroic-lyrical songs. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-2 (67): 185–197. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-2-67-185-197

Тема смерти занимала центральное место в мировом фольклоре с древних времен. Каждый народ стремился выразить глубину трагизма смерти, становясь тем самым одним из художественных идентификаторов ментальности. Так психологическое состояние героя перед смертью во многом определяет и характер героя, и народное мышление в целом. В народных песнях состояние героя перед смертью характеризуется демонстрацией высшей степени доблести и самообладания на смертном одре. Человек, идеальный герой не теряет своих нравственных качеств а, наоборот, последние моменты его жизни посвящены стремлению сохранить честь и достоинство. К основным аспектам состояния героя перед смертью, которые отражены в песнях, относятся философские размышления или обращение к спутникам или товарищам, (иногда своему коню) с просьбой выполнить его последнюю волю. Завещание, которое становится характерной формой прощания с родными, последним проявлением заботы о них, обычно формируется как монолог умирающего (или знающего о неминуемом конце), в котором отдаются последние распоряжения. Примечательно, что в разных вариантах одной песни и даже в песнях, бытующих у разных народов, содержание «наказов» и даже адресаты или совпадают, или довольно близки между собой по своей сути. Нравственный аспект такого рода завещания проявляется в сокрытии правды от

близких, которое вызвано любовью и сочувствием к ним, нежеланием принести им страдание своей смертью.

В эпосе многих народов присутствуют тексты подобных завещаний, и являются средством художественной выразительности для объективации нравственных ориентиров народа. Нравственный аспект завещания универсален для всех народов, а конкретные формы ее проявления указывают на идеальные черты истинного сына своего этноса.

История изучения феномена завещания в фольклористике начинается с древних мифологических представлений до современных научных исследований. Первые исследования были связаны с изучением эпических сказаний и мифов, где данный мотив часто вплетается в похоронные обряды и ритуальные действия. В классической фольклористике анализировались и систематизировались мотивы завещания в разных традициях, рассматривая их как часть общих ритуалов, связанных со смертью и переходом власти. Современные исследователи изучают завещание героя в контексте более широких вопросов, включая мифологию, ритуал, социальную структуру и символику смерти. И, тем не менее, данная тема не так часто становилась объектом изучения специалистов. Однако есть различные наблюдения отдельных авторов [Арьес, Книга завещаний..., Жугра, Казначеев], на которые мы опирались в своей работе. Данные исследования представляют общие философские идеи психологического отношения человека к смерти, раскрывают завещание как способ духовной передачи накопленных знаний уходящего поколения к приходящему, и представляют комплекс разных форм завещаний, функционирующих в основе фольклора разных народов.

Так, в одной из немногих работ на интересующую нас тему А.В. Жугра [Жугра: 440–455] анализирует варианты завещаний погибающего героя. Для нас представляет интерес песня «Смерть Омера», построенная на завещании умирающего героя, основанного на желании скрыть от родных свою смерть. Перед смертью Омер просит своего спутника-друга не говорить правду о своей смерти матери и невесте, которая носит его ребенка в утробе. В данном завещании отсутствует образ отца, так как он погиб до его рождения. В другом варианте песни «Смерть Омера, сына Муйо» [Жугра: 445] завещание направлено на стремление сохранить душевную связь с конем и проявление заботы к нему после своей смерти. Омер отдает наказ по применению особых форм ухода за его конем и просит похоронить его самого таким образом, чтобы его правая рука оставалась снаружи. Также он просит друга один раз в год приводить коня к его могиле, чтобы тот мог погладить его ногу, но сделать так, чтобы он не понял, что его хозяин там лежит. Как отметила А.В. Жугра [Жугра: 450], это завещание имеет параллель в албанских мифологических представлениях о замуркованной молодой женщине: она перед гибелю просит оставить снаружи правую грудь и правую руку, чтобы и после смерти она имела возможность заботиться о своем ребенке. Таким образом, герой сохраняет тайну своей смерти и от своего коня, в чем проявляется его любовь и забота о нем. Известно, что в культурной традиции многих народов атрибуты богатыря представляют для него большое значение и выступают как его субститут. Так, например, в чувашской легенде, герой оставляет завещание похоронить его вместе со своими доспехами и конем, чтобы он не потерял часть себя и мог продолжить заботиться о своем народе [Чувашские легенды...]. Однако такую индивидуальную форму отражения заботы погибающего героя о своем коне в фольклоре можно считать проявлением идеала подлинного представителя этноса. Заслуживает внимания и то, что народное сознание вплетает в состав завещания высокую значимость оружия для богатыря. Так в своем предсмертном наказе, оружие, конь и снаряжение Муйо, отец Омера, оставляет своему сыну [Жугра: 445]. Этот символический акт указывает на продолжение богатырских качеств отца в сыне.

Представление о продолжении жизни в своем коне и его передача близкому человеку присутствует и в структуре казачьих народных песен. В одной песне конь героя выступает как адресант-исполнитель завещания:

Уж ты, конь, мой конь,
Друг-товарищ дорогой,
Да отвяжися, мой конь,

От березоньки сухой.
Дай бежи ж ты, мой конь,
Конь по дороженьке столбовой.

Да не давайся, да мой конь,
Неприятелю мому,
А ты да дайся тому,

Кто близко к сердцу мому,
Отцу, матери родной.
А жене-то моей

На словах расскажи:
Хочет – замуж идет,
Хочет – вдовушкой живет. [Песни Терека…: 95–96].

Данное завещание соответствует традиционной форме прощания умирающего героя с родными: коня как продолжение его самого он оставляет своим родителям и становится бессмертным напоминанием о нем и утешением для родителей, а открытие правды о своей смерти жене – характерный для данного вида завещания знак освобождения ее от супружеских обязательств.

В казачьем фольклоре также функционирует завещание, в составе которого образ коня перестает фигурировать. К таким можно отнести песню более позднего происхождения «Черный ворон». Эта песня развивалась в солдатской, а затем, благодаря воинскому образу жизни, и в казачьей среде и приобрела истинно народные черты. Эта фольклорная переработка песни «Под ракитою зеленою…», которая в свою очередь являлась переработкой стихотворения «Раненный русский воин», написаннойunter-офицером Николаем Веревкиным в 1891 году. Примечательно, что и в песне «Под ракитою зеленою…»:

Отнеси-ка, черный ворон,
Отцу, матери поклон,
Отцу, матери поклон
И жененке молодой,
Ты скажи ей, черный ворон,
Что женился на другой,
На пулечке свинцовой.
Наша свашка – была шашка,
Штык булатный – был дружком,
А венчался я на поле
Под ракитовым кустом. [Ермаленко: 29].

и в песне «Черный ворон» умирающий солдат обращается с просьбой к ворону:

Полети-ка, черный ворон, к отцу-матери родной.
Расскажи там, черный ворон, что за Родину я пал.

Отнеси платок кровавый милой девице моей,
Да скажи там на свободе, что женился на другой. [Григорьев 2015: 121–122].

В древней культуре для осознания смерти использовались образы, связанные с загробным миром. Употребление образа ворона, как символа смерти в казачьих песнях может быть отголоском такого явления. Возможно, связано это с тем, что гребенские казаки исторически были частью Терского казачьего войска и большую часть своего существования этот народ провел в войнах. В связи с этим, обращение в завещании к ворону вместо традиционной формы обращения к спутнику или товарищу, иногда к коню, можно интерпретировать как мотив одиночества воина и в отсутствии практической возможности присутствия друга в момент его смерти. В любом случае, замена адресата в структуре завещания является проявлением индивидуальных черт.

Также обращает на себя внимание завуалированное, непривычное для таких завещаний послание. Погибающий герой передает жене весть, что женился на другой: это метафорическое выражение, которое означает его гибель и указывает на дарение ей свободы. Можно также говорить и о скрытом третьем значении этого послания. Это желание героя рассказать ей о своей любви. Таким образом, художественное содержание послания в полной мере раскрывает суть личности казака-солдата, не привыкшего к открытому выражению своих чувств. В этом проявляется специфичная форма отражения народного мышления.

Ярким примером бытования завещания погибающего героя можно считать русскую народную песню «Степь Моздокская»:

Ах вы, братцы вы мои, вы друзья-товарищи,
Товарищи!
Не покиньте вы, братцы, моих вороных коней,
Вороных коней.
А свезите вы, братцы, батюшке низкий поклон,
Низкий поклон,
Родной матушке челобитъице,
Да челобитъице,
Малым детушкам мое благословеньице,
Благословеньице
Молодой моей жене полну волюшку,

Все свободушку. [Русские народные...] – о ямщике, замерзающем в холодной степи. Она наполнена безысходностью и обреченностью, и тем самым чувством одиночества и сожаления, осмыслением прожитой жизни. В такой атмосфере, предчувствуя смертный час, ямщик отдает наказ своим товарищам-спутникам, которое отражает полную картину морального состояния народа. Строки, где ямщик просит передать «низкий поклон батюшке и челобитъице (в Древней Руси: поклон до земли с прикосновением лбом к земле, т.е. глубочайшее почтение) родной матушке» иносказательно указывают на традиционное почтение к родителям и прощальное извинение за все провинности перед ними. Просьба же о не оставлении «вороных коней» в степи – знак преданности и моральной связи с конем, а не потребительского отношения к нему. Кроме того, конь в народном сознании славян, как и у многих народов, представлен как его его обладателя, поэтому передачу его отцу можно считать неким продолжением жизни самого героя. Обращение к своим детям с благословением – это понимание ответственности перед ними, а дарение молодой супруге свободы – знаковый жест на право личного счастья.

Существует несколько вариантов этой народной песни, на базе которых, русским поэтом И.З. Суриковым было написано стихотворение «Степь да степь кругом»:

Ты, товарищ мой
Не помни зла,
Здесь, в степи глухой
Схорони меня!

Ты лошадушек
Сведи к батюшке,
Передай поклон
Родной матушке.

А жене младой
Ты скажи, друг мой,
Чтоб она меня
Не ждала домой.

Передай словцо
Ей прощальное
И отдаи кольцо
Обручальное.

Пусть она по мне
Не печалится,
С тем, кто сердцу мил,
Пусть венчается.

Про меня скажи,
Что в степи замерз,
А любовь ее
Я с собой унес. [Степь да степь...].

За долгое время оно подверглось сильным изменениям, но моральный контент остался неизменным. В стихотворении Ивана Сурикова сохранились ключевые элементы народного представления о нравственном поведении. Также сохранилась структура актуализации мотива. В ней отражены образы товарища, родителей и супруги. Однако стоит заметить, что в индивидуальном творчестве углубляется тема прощания с супругой. Передача обручального кольца – явный знак свободы для жены. Так же как это представлено в фольклорном тексте, здесь герой скрывает от родителей свою смерть, потому что переживает за них. А супруге он передает весть о своей гибели, для того чтобы та знала, что бессмысленно его ждать и стоит ей построить новую жизнь. Кроме того, это своеобразная забота о ней, чтобы она могла быть под защитой и попечительством другого мужчины. Именно с этой целью герой добавляет, что ее «любовь он унес с собой». Так он обрывает все связи и освобождает ее от себя для создания новой любви и покровительства сильного пола. В фольклоре и литературе многих народов, в том числе и в русской, степь представляется пустынным местом, где человек оказывается один на один с природой и с Создателем. Именно поэтому, как знак воссоединения со своим Богом в этой песне герой просит схоронить его в степи.

Позже М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Завещание» («Наедине с тобой, мой брат...») раскрывает тему предсмертного наказа. Однако, по мнению С.И. Ермоленко, изучившего проблему творческой эволюции в контексте «Завещания» М.Ю. Лермонтова, какая-либо связь этого стихотворения с фольклорной традицией не очевидна, используется только сюжетная линия предсмертного наказа:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? Мой судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит! [Ермаленко: 30].

Ключевым в данном стихотворении считается отношение героя к соседке. Она составляет отличительную особенность и в структуре завещания. В традиционной структуре завещания акцентным является открытие правды о смерти только возлюбленной, с целью ее освобождения от обязательств. Здесь цель послания – снова пробудить в ней давнюю любовь. Послание также отражает психологический образ бывшего солдата, привыкшего к коллективному идейному мышлению. Именно поэтому в состав завещания вносится обращение к родному краю. Однако, опять, именно это обращение к возлюбленной вносит в моральную основу завещания личностные черты.

Теперь рассмотрим формы функционирования завещания в фольклоре адыгов. Ярким примером может послужить историческая песня о молодом наезднике Масроко (Мысырокъуэ). По сюжету песни герой в довольно юном возрасте совершает со своими товарищами первый набег на соседний нагайский аул. По пути домой с добычей, их настигает погоня. Преследователь пускает стрелу в наездника, ведущего впереди табун кобылиц. Впоследствии оказывается, что жертва молочный брат убийцы. Когда тот узнает в нем брата, между жертвой и убийцей завязывается диалог, в котором умирающий герой дает ему такой наказ:

Дядэ-дянэр къызэупчиым,
Даурэ-даурэ жысыныу?
Дядэ-дянэр къывэупчиым,
СыуІэгъэфчиыу сажеІэ.
Ди шыпхъу цыкдухэр къызэупчиым,
Даурэ-даурэ жысыныу?
Ди шыпхъу цыкдухэр къывэупчиым,
СыуІэгъэйеу сажеІэ.
ЩуІэгъэфчиир къыдэупчиым,
Даурэ-даурэ жысыныу?
ЩуІэгъэфчиир къывэупчиым,
СыцымыІыжыуэ сажеІэ
[Фольклор адыгов...: 103]

Мать с отцом если спросят,
Что и как я скажу?
Мать с отцом тебя если спросят,
Скажи, что немного ранен.
Наши сестры если спросят,
Что и как я скажу?
Мои сестры тебя если спросят,
Скажи, что тяжело ранен.
Твоя любимая если спросит
Что и как я скажу?
Если любимая тебя спросит
Скажи ей, что меня уже нет
<в живых> (перевод наш).

Как видим, в адыгском фольклоре сохраняются основные элементы структуры универсального завещания. Как и у других народов, адыгская традиция актуализирует правило проявлять заботу к своим родителям, оберегать их от тяжелой вести, скрывая от них свою гибель. А возлюбленной герой песни передает весть о своей смерти, тем самым освобождая ее от обязанностей и привязанности. Однако представляет интерес форма ее подачи. Важно, что в послании героя проявлена философия рыцарства, на которое было ориентировано феодальное адыгское общество. Погибающий герой переживает за своих родных и пытается скрыть от них свою смерть. Врожденное этическое чувство гордости не позволяет ему смириться с тем, что он погибает в результатеувечья, полученного от руки противника. Стоит отметить, что эта информация передается также в манере, свойственной нормам народной этики. Непременно для родителей даже незначительная рана сына может стать душевной травмой. Учитывая это, герой просит передать им весть, что с ним произошло нечто незначительное, понимая, что весть о более значительном, погубит их. А сестрам он отправляет послание о тяжелой ране. Связано это с тем, что связь брата и сестры уникальная. Они всегда делятся самым сокровенным и всегда первыми приходят на помощь друг другу. Конечно же, весть о тяжелой ране брата станет большим испытанием для сестры, но здесь учитывается их чистая связь без обмана и поэтому сестрам герой передает весть близкую к истине. Но, так как герой заботится о чувствах своих сестер, он передает им все-таки не всю правду. Таким образом, обращает на себя внимание и характер взаимоотношений брата и сестры в этнической культуре адыгов. Эта особенность широко представлена в историко-героическом эпосе. В этом состоит особенность актуализации завещания погибающего героя в адыгском фольклоре.

Данный мотив прослеживается и в песне о Хатхе Кочасе (Хъэтхым и Къуэклиасэ). По преданию песни Кочаса был прославленным героем. Князья стали его противниками за его свободный нрав и непочтительное отношение к ним. Впоследствии он стал непримиримым врагом князя Дао. Кочаса был охотником и часто уходил в лес. Однажды князь выехал за ним вслед, чтобы свести с ним счеты. Предвижу смертный час, герой оставляет завещание своим спутникам:

Тянэр къышуоупчиымэ,
(ар) мэлы отэры гущэри
къыфефы, ешъуло!
Тятэр къышуоупчиымэ,
(а) шыбзы отэры гущэри
къыфефы ешъуло!
Чыпхъухэр къышуоупчиымэ,
дарием и хъущэ гущэри
къыфефы яшъуло!

Наша мать если вас спросит,
(ар) овец отару (гуша)
тебе он гонит, – скажите!
Наш отец если вас спросит,
(а) кобылиц табуны
(гуша) тебе он гонит, – скажите!
Сестра если вас спросит,
парчи много (гуша) тебе
он везет, – скажите!

*Лыжъыхэр къышъоупчыымэ,
тхъамы и сэламы гущэри
сфяшъуложьса!
Калэхэр къышъоупчыымэ,
(ар) Техъоныжъые гущэми
иъуегугъу яшъуло!
Аталахъэр къышъоупчыымэ,
къолэ-цунды уаплэ гущэми
екъулэ ешъуло!*
[НПИИНА III-1. 1986: 150].

Старики если вас спросят,
божий привет (гуша) им
от меня передайте!
Мальчики если вас спросят,
(ар) на Тахонажий
(топоним) (гуша) спешите, –
скажите!
Аталах (воспитатель) если вас
спросит,
воронье где кружит
(гущэ), туда езжай, – скажите!
[НПИИНА III-1. 1986: 153].

Стоит заметить, что в адыгском фольклоре включение в формулу завещания образа супруги не всегда обязательно, в то время как образ родителей, сестры, иногда детей остается обязательным. Возможно, связано это с тем, что адыгскому менталитету, основанному на глубоком чувстве скромности свойственно было скрывать свои чувства ко второй половине, что породило определенные правила взаимоотношения супругов. Но, так как адыгское сознание всегда ставит на первое место честь и славу, в данную формулу вплелись понятия, отражающие нравственное понимание чести и правил адыгского кодекса *хабза*. Важно отметить, что этот факт является ничем иным как одной из форм проявления национальной идентичности. В данном тексте они выражены почтительным отношением к старшим («Старики если вас спросят, божий привет (гуша) им от меня передайте!») и культурой взаимоотношения аталаха и воспитанника, который предполагает регламентированные правила поведения, основанные на традиционных моральных ценностях. Поэтому эта связь порождает не только почтительное отношение к воспитателю, но глубокое духовное родство с человеком, заменяющим герою отца. В адыгском обществе не было принято близкое сердечное общение между сыном и отцом. Но согласно институту аталахства, такие теплые взаимоотношения возможны были между воспитателем и воспитанником. И так как отец все же морально выносил и ближе по духу к сыну, весть о смерти сына, согласно художественной трактовке должен узнать именно он. Но, так как его функцию выполняет аталах, герой дает наказ передать правду только ему («Аталах если вас спросит, воронье где кружит (гущэ), туда езжай, – скажите!»).

Завещание погибающего героя в адыгском фольклоре получило новую интерпретацию и в фольклоре времен Отечественной войны. Так, трагизм и глубина переживаний погибающего солдата в данном случае передается картинами жестокой гибели солдата или тяжелой доли семьи, которая потеряла его. В первом случае, нравственная концепция может быть достигнута путем объективации чувств и эмоций самого героя, погибающего на войне и не имеющего возможности быть похороненным достойным образом на родном кладбище. Этот мотив раскрывается посредством сопоставления мирной жизни и последствий войны. В нашем случае представляет интерес художественная форма передачи переживаний солдата, который в своих предсмертных сентенциях прощается с родными и близкими. Здесь, как и в эпосе, внимание лирического героя обращено на родителей, сестру, иногда брата, детей и супруги или возлюбленной. Однако, стоит заметить, что функционирующая в эпосе формула в песнях времен Отечественной войны приобретает специфичную форму изложения. Язык народных песен времен ВОВ максимально упрощен и лишен всяких историзмов и фразеологизмов. Они даются простым, понятным слушателю своего времени языком, который в полной мере отражает мировоззрение и нравственные ценности народа. Это не означает, что песни данного периода лишены духовно-эстетических качеств – просто здесь моральный концепт достигается через простую передачу акцентных точек, создавая новые художественные образы.

Кроме того, в данное завещание вплетена тема одиночества и гибели вдали от родного дома без возможности быть похороненным согласно традиционным погребальным обрядам. За счет этого мотив страданий проявляется рельефнее, проявляются непривычные для прежней культуры нотки жалости к себе, а основа завещания – забота о чувствах родных ослабевает. Первая часть сообщения в песне передает переживания за родных, а вторая – уже акцентирует тяжелую долю погибающего солдата. В этом проявляются отличительные особенности мотива в фольклоре времен Отечественной войны. Таким образом, в песне ВОВ, как и в эпосе, сохраняется структура завещания – герой обращается к родителям, сестре (здесь и к брату), супруге (здесь и к своему ребенку). Это обращение пронизано заботой о душевном состоянии родных, однако здесь уже присутствуют также эгоистичные желания, чтобы все про знали о его тяжелой доле и пожалели его. Также передается пожелание, чтобы о нем никогда не забывали.

Для примера приведем текст песни «Зауэм хэкIуэдам и гъыбзэ» – «Плач по погившему на войне»:

*Си анэкъильхуу Хъэжмуратым
Удын бзаджэр бийм ибодз,
Сыздэйшылъыр уэ къэнщIатэм,
Щыгуль къабзэ къыстебдээнт.*

*Си шыпхуу закъуэу КIулэ дахэ,
Си кIуэдыхIэр уигу игъэль,
Ди къуажекхъэм сыйщIэлъатэм,
Си сын джафэм Iэ дэпплэнт.*

*Си анэжсүрэ си гу махэ,
Си кIуэдыхIэм зомыгъэхь;
Уэ сыйбгъейуэрэ уи гур бгъэтIкIукIэ
Сыт си Iуэху мыгъуэм хэхбуэжсын?*

*Си Ѣхъэгъусэу си ФатIимэ,
Сэ уэ фIыщэу услъегъуат,
Лъагъуныгъэри кIэм нэмисурэ
Си гур мафIэм ныхисхъац.*

*Си Ѣхъэгъусэу си ФатIимэ,
УдэмыкIуэу уицымыс,
ДэнкIэ укудуми си Алешиэр
Си фэеплъурэ къыздешэкI.*

*Си Алешиэрэ си бын закъуэ,
Уи гуауихуэр уигу игъэль,
Уи лъэр быдэу укъэтэджмэ,
Сигу мамыру сыйштыныц
[Фольклор Советской...: 100–101].*

Родной мой брат Хажмурат
Наносит грозные удары врагу.
Если бы ты знал, где я лежу
Чистой землей меня засыпал бы.

Моя единственная сестра Куля,
Не забудь про мою ты гибель.
Если бы я лежал на нашем кладбище,
Мой надгробный камень гладкий
ты бы гладила.

Моя бедная мать сердобольная,
Пусть моя смерть для тебя
не станет ударом.
Оплакивая меня если твое
сердце иссохнет,
Разве мне это в чем-то поможет?

Моя супруга, моя Фатима,
Я тебя очень полюбил.
Хотя любовь к тебе не закончилась,
Зато сердце сгорело в огне.

Моя супруга, моя Фатима,
Выходи замуж, не вдовствуй.
За кого бы ты не вышла, мой Алеша
Пусть как память обо мне с тобой будет.

Мой Алеша, единственный сын,
Помни о своем большом горе.
Если крепко ты встанешь на ноги,
То и мне будет спокойнее лежать
(перевод наш).

Обращает на себя внимание и то, что моральные устои нового времени, в котором проявляется более открытое выражение чувств позволили более откровенно рассказать о чувствах к супруге и вплести в ткань песни образ сына солдата. Герой песни достаточно открыто объясняется в любви к своей супруге и нежно обращается к сыну, что в корне противоречит этическим установлениям предыдущего исторического времени.

Интересно то, что в индивидуальном творчестве моральная основа завещания максимально сохраняется. Так, в стихотворении адыгского поэта и писателя А.П. Кешокова практически сохраняется традиционная схема, и даже некоторые формулы. Однако здесь герой не освобождает любимую, а, напротив, завещает, чтобы она о нем никогда не забывала:

Сянэр къысцIЭупицIЭм,
Къэзгъэзэжу жыIЭ.
Сядэр къоупицIамэ,
Пэжсыр умыбзыцI.
Сэ уанэгу сыкъихуу
Губгъум сыкъинами,
Си хъыбарыр жепIЭурэ
Дахэм игу сигъэль [Кешоков: 176].

Если спросит обо мне мать,
Скажи ей, что возвращаюсь я.
Если спросит тебя отец,
Не скрывай ты правду от него.
Если вдруг упав с коня,
Останусь в поле я,
Рассказывая ей обо мне,
Любимой обо мне напоминай
(перевод наш).

Итак, категория смерти является понятием, которая стала стержневой и для народного, и для индивидуального творчества. В основе этого понятия лежат религиозные и нравственные аспекты, которые предполагают принятие смерти как исполнение божьей воли и перехода к вечной жизни, подчеркивается знаком смиренния, и исполнение морального долга чести. Поэтому в поэтических образах чувств и переживаний погибающего героя лежат жалобы по поводу собственной гибели и забота и переживание за близких, а не сетование. Эта забота находит воплощение в завещании погибающего героя. Такое завещание является характерной формой прощания с родными, проявления последней заботы к ним.

Содержание завещаний у разных народов совпадают или близки между собой. Главным составляющим в структуре должно стать почтительно-заботливое отношение к близким родственникам. Она представлена схемой передачи послания родителям, сестре (брату), детям и супруге (влюбленной), (иногда присутствуют наказы по отношению обращения с его конем, оружием и снаряжениями). Художественное содержание послания состоит в сокрытии правды о своей смерти от родных, а нравственное – в проявлении заботы и любви. Ключевым в структуре послания является открытие правды о своей смерти супруге (влюбленной). Это знаковое дарение ей свободы, в чем проявляется любовь и забота к ней.

Каждый народ осмысливает моральные основы этого завещания в рамках своей ментальности. Индивидуальная форма его отражения – это проявление этнического идеала. Так, внесение в сюжет завещания моральных основ адыгского кодекса чести это тоже проявление народной идентичности.

Таким образом, анализируемая форма завещания находит воплощение в фольклоре разных народов, в том числе и адыгского и интерпретируется в художественной прозе.

Список источников и литературы

Арьеc 1992 – *Арьеc Филипп*. Человек перед лицом смерти / Перевод Ронина В.К.; Общ. ред. Оболенский С.В.; Предисл. Гуревича А.Я. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 526 с.

Григорьев 2018 – *Григорьев А.Ф.* Символика смерти в песенном фольклоре гребенских казаков // Kant. Философские науки. № 1 (26). Март. 2018. С. 119–123.

Григорьев 2015 – *Григорьев А.Ф.* Песни терских казаков. Ставрополь: Ставролит, 2015. Вып. 1. Станица Калиновская. 64 с.

Ермоленко 2014 – *Ермоленко С.И.* «Завещания» М.Ю. Лермонтова: к проблеме творческой эволюции // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманистические науки. Т. 16. № 4 (133). 2014. С. 27–39.

Жугра 2023 – Жугра А.В. Что завещают герои албанского эпоса? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 27 (2023). С. 440–455. DOI: 10.30842/ielcp230690152731.

Казначеев 2017 – Казначеев С.М. Жанр завещания в русской и зарубежной литературе // Вестник института мировых цивилизаций. Т. 8. № 4 (17). 2017. С. 56–61.

Кыщокъуэ 2004 – Кыщокъуэ А. Тхыгъэр томихым щызэхуэхъесауз. Т. 1. Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Эльбрус. 2004. 512 с. [Кешоков А.П. Собрание сочинений: В 6-ти томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус. 2004. 512 с.] (На адыг.)

Книга... 2012 – Книга завещаний: Французские поэтические прощания XIII–XV веков / Перевод с франц. Я. Старцева и Г. Зельдовича. М.: Водолей, 2012. 236 с.

НПИИНА III-1 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.

Песни... 1974 – Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков / Публикация текстов, вступит. ст. и примеч. Ю.Г. Агаджанова; Отв. ред. Б.Н. Путилов. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд-во, 1974. 237 с. [Электронный ресурс] URL: <https://share.google/48h7ULoeelFbw6aU> (Дата обращения: 15.09.2025).

Русские народные лирические песни / сост. Н.М. Лопатин, В.П. Прокунин. М.: [Типография А.М. Мамонтова и Ко], 1889. Ч. 1. 268 с. Ч. 2 427 с. [Электронный ресурс] URL: <https://share.google/fncLOsM3VjI5AW0uW> (Дата обращения: 15.09.2025).

Степь... 2025 – Степь да степь кругом [Электронный ресурс] URL: <http://share.google/3UyUXYs36MoRP2oS1> (Дата обращения: 15.09.2025).

Тыркуем... 2004 – Тыркуем ис адыгэхэр: ЙорыIуатэр / Зэхэзгъэуцу, тедзэним фэзъэхъазыр Унэрэкъо Р. Мыекъуап: Адыгейр. 2004. 580 с. [Фольклор адыгов Турции / Сост. Р.Б. Унарокова. Майкоп: Адыгейя, 2004, 580 с.] (На адыг.)

Советскэ Къэбэрдейм... 1957 – Советскэ Къэбэрдейм и ЙуэрыIуатэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ. 1957. 144 с. [Фольклор Советской Кабарды. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во. 1957. 144 с.] (На адыг.).

Чувашские легенды... 1979 – Чувашские легенды и сказки // Сост. Е.С. Сидоров; Пер. Семена Шурдакова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1979. 221 с. [Электронный ресурс] URL: <https://share.google/i4EVkCuAZIYenFdR5> (Дата обращения: 15.09.2025).

References

ARJES, PHILLIP. *Chelovek pered litsom smerti* [The Man in the face of death]. Translated by V.K. Ronin; General ed. Obolensky S.V.; Preface. Gurevich A.Ya. M.: Progress: Progress Academy, 1992. 526 p. (In Russian)

GRIGORIEV A.F. *Simvolika smerti v pesennom folklore grebenskikh kazakov* [The symbolism of death in the song folklore of the Grebensky Cossacks]. Kant. Philosophical sciences. № 1 (26). March, 2018. Pp. 119–123 (In Russian)

ERMOLENKO S.I. «Zaveschchaniya» M.Yu. Lermontova: k probleme tvorcheskoi evolyutsii [«Testaments» by M.Y. Lermontov: on the problem of creative evolution // Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Series 2. Humanities. Vol. 16. No. 4 (133). 2014. Pp. 27–39 (In Russian)

ZHUGRA A.V. *Chto zaveschchayut geroi albanskogo eposa* [What do the heroes of the Albanian epic bequeath?] Indo-European linguistics and Classical Philology. 27 (2023). Pp. 440–455. DOI: 10.30842/ielcp230690152731 (In Russian)

KAZNACHEEV S.M. *The genre of testament in Russian and foreign literature* // Bulletin of the Institute of World Civilizations. Tom 8. № 4 (17). 2017. Pp. 56–61 (In Russian)

KYSHOKUE A. *Sobranie sochinenii:* V 6-ti tomakh. T. 1. Stikhotvoreniya i poemi [Thygeher tomihym shyzehuehesaue. Vol. 1] Usehemre poemehemre. Nalshyk: Elbrus, 2004. 512 p. [Keshokov A.P. Collected works: In 6 volumes. Vol. 1. Poems and poems. Nalchik: Elbrus, 2004. 512 p.] (In Adyghe)

Kniga zaveschchaniii: Frantsuzskie poeticheskie proshchaniya XIII–XV vekov [The Book of wills: French poetic farewells of the XIII–XV centuries]. Translated from the French by Ya. Startsev and G. Zeldovich. Moscow: Aquarius, 2012. 236 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / Compilers V.H. Baragunov, Z.P. Kardangushev; edited by E.V. Gippius. Vol. 3. Ch. 1. Moscow: Soviet composer. 1986. 264 p. (In Adyghe and in Russian).

Pesni Tereka. Pesni grebenskikh i sunzhenskikh kazakov [Songs of Terek. Songs of the Grebensky and Sunzhensky Cossacks]. Publication of texts, intro. art. and notes by Yu.G. Agadzhanov; Ed. by B.N. Putilov. Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House, 1974. 237 p. [Electronic resource] URL: <https://share.google/48h7ULoeelFrbw6aU> (Date of request: 09.15.2025) (In Russian)

Russkie narodnie liricheskie pesni [Russian folk lyrical songs]. Comp. N.M. Lopatin, V.P. Prokunin. Moscow: [Printing house of A.M. Mamontov and Co.], 1889. Part 1. 268 p. Part 2. 427 p. [Electronic resource] URL: <https://share.google/fncLOsM3VjI5AW0uW> (Date of request: 09.15.2025) (In Russian)

Step da step krugom [Steppe and steppe all around] [Electronic resource] URL: <http://share.google/3UyUXYs36MoRP2oS1> (Date of reference: 09.15.2025) (In Russian)

Folklor adigov Turtsii [Folklore of the Adygs of Turkey]. Comp. R.B. Unarokova. Maikop: Adygea, 2004, 580 p. (In Adyghe)

Folklor Sovetskoi Kabardi [The Soviet Kaberdame and Iueriuate]. Nalshyk: Kaberdey-Balker thyl tedzaple. 1957. 144 p. [Folklore of Soviet Kabarda. Nalchik: Kabardino-Balkarian Publishing House. 1957. 144 p.] (In Adyghe)

Chuvashskie legendi i skazki [Chuvash legends and fairy tales] Comp. E.S. Sidorov; Translated by Semyon Shurdakov. Cheboksary: Chuvash. publishing house, 1979. 221 p. [Electronic resource] URL: <https://share.google/i4EVkCuAZIYenFdR5> (Date of access: 09.15.2025) (In Russian).

Информация об авторе

Л.С. Хагожеева – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Khagozheeva – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Sector of Adyghe Folklore.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.